

«Пучок цветков из моего садику»

О языке детских повестей А.С. Шишкова

© Т. Н. КРИВКО

Автор статьи прослеживает лингвистические взгляды А.С. Шишкова на заимствованные слова в его творчестве для детей. Рассмотрены случаи замены иноязычной по происхождению лексики русскими эквивалентами в процессе авторской редакции текстов «Детской библиотеки». *Ключевые слова:* А.С. Шишков, детская литература XVIII века, заимствованные слова.

The article is devoted to the way A.S. Shishkov's linguistic ideas were reflected in his texts for children. The researcher considers instances of substitution of words of a foreign origin by their Russian equivalents in the course of his editing the texts for «The Children's Library».

Key words: A.S. Shishkov, children's literature of the 18th century, adopted words.

Александр Семенович Шишков (1754–1841) – президент Российской Академии, вдохновитель «Беседы любителей русского слова», автор книги «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» (1803),

положившей начало полемике «архаистов» и «новаторов», — известен как непримиримый противник использования в русском литературном языке заимствованных слов. В работе 1804 года, отвечая своим критикам, он писал: «И так по моему мнению кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда Российским названиям там, где как чужое так и свое название с равною ясностью употреблены быть могут» [1. С. 73]. Шишков допускал введение только таких иностранных слов, для которых в русском языке нельзя найти соответствующих смысловых эквивалентов. К ним относятся некоторые понятия из области науки и техники, например, *астрономия*, *геометрия*, *физика*, *центр*, *пистолет* и др., ставшие привычными в употреблении, а также такие технические и художественные термины, которые «старинным нашим писателям не могли быть известны и которых мы нигде в книгах наших находить не можем» [Там же. С. 70].

Особенно неприемлемы для Шишкова семантические и словообразовательные кальки, поскольку механический перенос специфического значения слова из одного языка на слово другого, имеющее иной круг значений, вступает в противоречие с внутренней формой слова, которому пытаются присвоить чуждую ему семантику.

Именно поэтому, по мнению Шишкова, слова, являющиеся кальками с французского, такие, как *переворот* (*révolution*), *влияние* (*influence*), *развитие* (*développement*), *утонченный* (*raffiné*), *сосредоточить* (*concentrer*), *трогательный* (*touchant*), *занимательный* (*intéressant*), делают слог темным и тем самым безобразят русский язык. В погоне за французскими словами новые писатели не могут найти равносильных слов в родном языке, потому что отказались от источника красноречия — «славянского» языка, из которого следует черпать глубину, силу, выразительность и точность словоупотребления: «И так с одной стороны в язык наш вводятся нелепая новости, а с другой истребляются и забываются издревле принятые и многими веками изобретенные понятия» [2.С. 47].

Рассмотрим, как отразились лингвистические установки Шишкова на отношение к заимствованным словам в его литературной практике, в частности, в области детской литературы, в которой он по праву занимает особое место, являясь одним из ее основоположников и первым русским детским поэтом нового времени.

Детская литература как самостоятельная область, составляющая совокупность произведений, изначально адресованных ребенку-читателю, появилась в России в конце XVIII века, в эпоху Просвещения, и носила переводной характер. В начале 80-х годов XVIII века А.С. Шишков, по предложению тогдашнего президента Академии Наук С.Г. Домашнева, обратился к переводам «Детской библиотеки» («*Kleinekinderbibliothek*») немецкого педагога-филантропа И.Г. Кампе, при этом он не только

переводил, но и свободно излагал произведения Кампе и некоторых других немецких авторов. Книга «Детская библиотека, изданная на Немецком языке Г. Кампе, а с онаго переведена Г.***» [3] впервые была издана в Санкт-Петербурге в 1783–1785 годах, и с этого времени надолго вошла в круг детского чтения, выдержав множество переизданий – вплоть до 2-й половины XIX века. Сам Шишков дважды обращался к ее редакции: в 1806–1807 годах, когда в состав сборника вошло много новых произведений, а в написанные ранее тексты был внесен значительный ряд авторских исправлений, и в 1818 году – при подготовке собрания сочинений.

В редакции 1806–1807 годов Шишков устранил немногочисленные заимствованные слова, встречавшиеся в предыдущих изданиях «Детской библиотеки», при этом книга получила новое название – «Собрание детских повестей».

Библиотека – старый грецизм, вошедший в русский язык наряду с такими словами, как *театр*, *арифметика*, *математика* и др., в XVIII веке имел вариативное оформление: изначальное эразмово *библиотека* и рейхлиново – *вивлиофика*. К концу XVIII века традиционно оформился ведущий вариант – *библиотека*. Слово это часто использовалось в названии изданий: «Библиотека для воспитания и училищ», «Всеобщая Библиотека Романов», «Библиотека духовная». Однако в Словаре Академии Российской 1789–1794 годов как *библиотека*, так и *вивлиофика* отсутствуют [4].

А.С. Шишков употреблял слово *библиотека* в значении «собрание книг» в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка», причем в ироническом контексте, косвенно цитируя оппонента. В пародийном письме от лица защитника «нового слога» вымышленный Шишковым автор, издеваясь над языком Ломоносова, писал: «Постойте! У меня из большой доставшейся мне по наследству Русской библиотеки, осталась одна только завалившаяся где-то его [Ломоносова] Риторика...» [2. С. 442]. Здесь *библиотека* относится к тому обширному ряду иноязычных слов, которыми насыщено письмо противника «старого слога». Исходя из этого, неудивительно, что в детском издании Шишков счел это заимствованное слово неуместным, переименовав «чужезычное название... в Русское» [5. Предупреждение].

Следующий грецизм, изъятый Шишковым из текста первого издания, – *драма* «действие, зрелище» известен в русском языке с 30-х годов XVIII века и зафиксирован в Словаре Академии Российской. В «Детской библиотеке» пьеса «Кровопускание» имела подзаголовок «Маленькая драма». В «Собрании детских повестей» жанровое определение произведения исправлено на «Зрелище для детей» – такой же подзаголовок и у пьесы «Резвый мальчик», впервые появившейся в издании 1806–1807 годов.

В процессе авторской правки из текста рассказа «Услуги снискивают любовь» Шишков исключил слово *пукет*. Заимствованное из французск. *bouquet* или из нем. *Bukett букет* (1769) или *пукет* (1741) [6. Вып. 2. С. 161] имело русский эквивалент — *пучок*. Такое словоупотребление встречается в рассказе Шишкова «Именины»: «Так! я подарю ему милых своих голубков, и еще нарву для него *пучок* цветков из моего садику» [5. Ч. 1. С. 225. Курсив здесь и далее наш. — Т.К.]. В предложении «И так Федюша возвратился домой с большим *пукетом*, а Вася с маленьким» [3. Ч. 1. С. 82] Шишков заменил слово *пукет* словом *вязь* «*связка, гирлянда*» [6. Вып. 5. С. 75]: «И так Федюша возвратился домой с большою *вязью* цветов, а Вася с маленькою» [5. Ч. 1. С. 183].

Интересно, что в рассказе «Девушка, любившая тюльпаны» замены слова *букет* не произошло — возможно потому, что оно сочетается с заимствованным словом *тюльпан*, ставшим известным в России в 10-е годы XVIII века (от итал. *tulipano*, через нем. *Tulpe, Tulpian*, франц. *tulipe*): «Отец по прозбе ея принужден был сделать ей веер, на котором с одной стороны нарисованы были разбросанныя тюльпанная луковицы, а с другой прекрасная *пукет* из тюльпанов» [3. Ч. 1. С. 59; 5. Ч. 1. С. 175].

Показательно, что и Н.М. Карамзин во второй редакции повести «Бедная Лиза» (1804) изъясил из текста слово *букет* [7]. Видимо, как пишет Е.Г. Ковалевская, это заимствованное слово (в сочетании со словом *ландыши*) разрушает народно-поэтический колорит, связанный с образом главной героини произведения. Таким образом, слово *букет* в начале XIX века воспринималось как иноязычное, и вместо него А.С. Шишков использует слова *пучок* и *вязь*.

В рассказе «Молодой осел, знатностию породы своей надутой» Шишков заменил устойчивое сочетание, заимствованное из французского через посредство немецкого, *играть ролю* в значении «иметь заметное влияние, оказывать воздействие» (нем. *Rolle* — ж.р., франц. *role* — м.р.). Утка, «великая грамотейха», рассказывает ослу о том, как славны были его предки. В «Детской библиотеке» читаем: «Господа длинноухие, говорила она, в старину *играли важную ролю в свете*» [3. Ч. 2. С. 49]. В «Собрании детских повестей» фраза утки изменена: «Господа длинноухие, говорила она, в старину *были важныя в свете лица*» [5. Ч. 2. С. 176].

В тексте рассказа «Плачевная судьба двух мальчиков» находим следующее разночтение: «Ну! стань ты там, и слушай, как я буду *командовать*; как я закричу: пали! то ты за ето железцо потяни к себе. Таким образом стали они друг против друга и Николаша *командовал*» [3. Ч. 2. С. 56] — «Ну! стань ты там, и слушай, как я буду *повелевать*; как я закричу: пали! то ты за ето железцо потяни к себе. Таким образом стали они друг против друга и Николаша *повелевал*» [5. Ч. 1. С. 103].

Несмотря на то, что глагол *командовать* — от франц. *commander* «посылать, наряжать» [4. Ч. 3. С. 252] через нем. *commandieren* вошло в русский

язык в Петровскую эпоху [4. Вып. 10. С. 114], уже давно в нем закрепились и имело русские словообразовательные аффиксы, Шишков заменяет его глаголом *повелевать*, который отличается от *командовать* не только стилистической окраской, но и оттенком значения. Словарь Академии Российской дает следующее толкование слова *повелеваю*: «велю, приказываю, объявляю свою волю, как властелин, господин. В прочем глагол сей различествует от велю и приказываю в том, что он относится к вышшим начальникам. Повеле ему Ангел Господен (Мф., 1, 24)» [4. Ч. 1. С. 595]. Произведенная Шишковым замена заимствованного слова «славенским», имеющим иную коннотацию, не является семантически эквивалентной, однако в языковом сознании автора это оказывается предпочтительнее, чем употребление иноязычного по происхождению слова.

В сценке «Разговор в саду» Шишков сделал замены, связанные со словом *annetum*, которое заимствовано через нем. *Appetit* (фр. *appétit*) от лат. *appetitus* [6. Вып. 1. С. 82]. Сравним два варианта реплики воспитателя Доброума, который показывает семилетнему графу Николаю различные достоинства людей низкого звания. На слова своего воспитанника о крестьянской пище — «О какая худая ветчина со ржавщиною, и какой черной хлеб!» он отвечает: «Так! но при том весьма доброй *anetum*, которой то делает, что пища их кажется им гораздо лучше, нежели нам наши *пастеты*» [3. Ч. 2. С. 60] — «Так! но при том доброй после трудов *голод*, которой делает то, что грубая их пища гораздо для них вкуснее, нежели для нас лакомья наши *яства*» [5. Ч. 2. С. 75].

В результате переработки фразы усилены смысловые акценты и два иноязычных слова *anetum* и *пастеты* заменены русскими. Предложение «Не сказывал ли я тебе, что он худую пищу свою не променяет на наши соусы и пастеты» осталось без изменения, поскольку *соусы* и *пастеты* (заимствования начала XVIII в.) [8] — названия блюд «благородной» кухни, которым противопоставлена здоровая крестьянская пища, и их употребление в данном контексте носит ироническую окраску.

В этом же произведении наречие *анетитно* заменено на славянизм *алчно*. Доброум обращает внимание своего воспитанника на то, как юный садовник Иван, ненадолго оторвавшись от работы, ест принесенные с собою хлеб и ветчину. В издании 1783—1785 годов воспитатель говорит: «Видишь ли, как он *анетитно* кушает?» [3. Ч. 2. С. 63]; в авторской редакции 1806—1807 годов эта реплика звучит так: «Видишь ли, как он *алчно* кушает!» [5. Ч. 2. С. 78].

В первой половине XVIII века слова *алкать*, *алчный*, *алчно* широко использовались в произведениях разных жанров. Но, как пишет Е.С. Копорская в своей книге «Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени», в конце XVIII — начале XIX в. происходит резкое сокращение употребительности глагола

алкать в прямом номинативном значении «чувствовать сильный голод» — он используется в основном в переносном значении «сильно желать, стремиться к чему-либо» [9]. Это относится и к прилагательному *алчный* «ненасытимый, насытиться немогущий» [4. Ч. 1. С. 26], и к образованному от него наречию *алчно* (*алчное любопытство, алчно желает*).

Именно это значение было самым распространенным до последних десятилетий XVIII века и активно использовалось в сфере высокой поэтической речи. Однако уже во второй половине XVIII века *алчный*, *алчно* являются определением чаще всего негативных понятий и явлений: *алчное корыстолюбие, алчное око* [6. Вып. 1. С. 52–53]. Так, в журнале Н.И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» в прозаическом переложении поэмы Томсона «Времена года» встречается такой пример: «Алчное гниение поглощало еще все то, что щедрая рука благодати разсеяла в диком годе» [10]. В семантике слов, образованных от глагола *алкать*, как отмечает Е.С. Копорская, «развивается яркая отрицательная оценочность, которая не была свойственна книжно-славянскому языку» [9].

Таким образом, использование в бытовой сценке в речи персонажа слова *алчно* в прямом номинативном значении было уже достаточно архаично для литературного языка, но органично языковым установкам автора. Если Шишков призывал писателей вводить в употребление старинные слова с тем, чтобы научить читателей любить «коренный, древний, богатый язык свой» [2. С. 5], то тем более наречие *алчно*, не относящееся к «обветшалым» славянизмам, по мнению автора, звучит более гармонично, чем образованное от иноязычного слова наречие *аппетитно*.

Мы видим, что Шишков устраняет из текстов своих произведений даже такие слова, которые были заимствованы в конце XVII — первой четверти XVIII века, что вполне согласуется с его позицией о недопустимости употребления заимствованных слов, если они имеют соответствующие эквиваленты в русском языке, в том числе и в фонде церковнославянской лексики.

И наконец, обратимся к слову *тронуть*, вызывавшему особое, polemически негативное отношение у А.С. Шишкова. В «Рассуждении о старом и новом слоге...» он, подробно анализируя лексические значения французского глагола *toucher* и русского *трогать*, показывает, что общее для обоих языков значение только одно — *трогать руками*, в остальных случаях эти слова являются совершенно разными. «Слово *трогательно* есть совсем ненужной для нас и весьма худой перевод Французскаго слова *touchant*. Ненужной потому, что мы имеем множество слов тож самое понятие выражающих, как например: *жалко, чувствительно, плачевно, слезно, сердобольно* и проч. Худой потому, что в нашем языке ничего не значит» [Там же. С. 207].

Использование языка, по мысли А.С. Шишкова, не должно слепо идти за употреблением, а напротив, употребление следует основывать на разуме, и прежде всего на традиции. Однако, как он сам замечал, «всякое слово, всякое выражение, хотя бы оно по составу своему не имело никакого смысла, или бы несвойственно было языку, когда войдет в употребление, то чрез сильный навык получит наконец некоторое данное ему значение, и не смотря на разум, доказывающий его несвойственность, так укоренится, что истребить оное трудно» [2. С. 28–29]. Свидетельство тому — дважды использованное в «Собрании детских повестей» краткое причастие *тронута*: «И так твердое намерение и молитва могут и детей избавлять от пороков. Мать рассказывала однажды сию щастливую перемену при некоторой девушке, которая таким же подвержена была порокам. Она так этим была *тронута*, что вознамерилась тотчас последовать Машенькину примеру, чтоб столько же как она сделаться любви достойною [Можно исправиться, когда твердо того захочешь]» [11. С. 167–168]; «Добрая мать так *тронута* была чистосердечием своих детей, что она прослезилась» [Там же. С. 226]. Знаменательно, что ни во второй (1806–1807 гг.), ни в третьей (1818 гг.) редакции «Детской библиотеки» («Собрания детских повестей») эти фрагменты не подверглись авторской правке и семантическая калька *тронута* не была устранена Шишковым. В данном случае языковая практика («употребление») вышла за рамки теоретических установок автора.

В остальном новая редакция текстов «Детской библиотеки» вполне отражает лингвистические взгляды Шишкова на использование заимствованных слов, которые, по его мнению, являются для русского человека набором звуков, лишенным смысла, и отвлекают от чувства красоты родного языка.

В целом иноязычная по происхождению лексика представлена в «Собрании детских повестей» небольшим количеством слов: помимо морских и военных терминов, это названия цветов, денежных единиц, название игры *фанты* и некоторые другие; в рассказе «Смешной лов обезьян» использован экзотизм *маис* (*маиц*). Стоит отметить единичное употребление глагола *обанкрутился*, к которому Шишков делает пояснение: «Купец (...) обанкрутился, т.е. проторговался, разорился» [Там же. С. 295].

Устраняя из текстов своих произведений заимствованные слова и заменяя их русскими эквивалентами или церковнославянскими, автор «Собрания детских повестей» давал своим маленьким читателям образец языкового употребления — без «чужезычных» слов. Но, как мы видим, все те немногие лексические заимствования, которые были в текстах первого издания «Детской библиотеки» А.С. Шишкова и во второй

редакции изъяты автором, давно и прочно вошли в русский литературный язык.

Литература

1. *Шишков А. С.* Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», или собрание критиков изданных на сию книгу с примечаниями автора на оные. СПб., 1804.
2. *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803.
3. *Кампе И. Г.* Детская библиотека / Пер. с нем. А.С. Шишкова. СПб., 1783–1785.
4. Словарь Академии Российской. М., 2006.
5. *Шишков А. С.* Собрание детских повестей. СПб., 1806–1807.
6. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984-.
7. *Ковалевская Е. Г.* Анализ текста повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» // Язык русских писателей XVIII века. М., 1981. С. 185.
8. *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 216, 394.
9. *Копорская Е. С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М., 1988. С. 30.
10. Детское чтение для сердца и разума. М., 1786. Ч. 7. № 34. С. 154.
11. *Шишков А. С.* Собр. соч. и переводов. Ч. 1. СПб., 1818.

*Московский педагогический
государственный университет*